

Волшебная тень огня памяти

Великая необоримая сила русского человека заключена в памяти предков – устоях и традициях народа. Этой памятью сильна новая, юбилейная книга стихотворений «Тень огня» оренбургской поэтессы Натальи Кожевниковой. Это лирический сплав прошлого и настоящего, а природа, мастерски выписанная автором, служит фоном, на котором прорисована судьба литературной героини произведения, её мысли и чувства:

Качни мою лодку, степная река,
Я вижу и так, сквозь закрытые веки,
Как с гулом и треском проходят века,
Монахи, поэты, бойцы, дровосеки –
Меж жизнью и смертью,
любовью и злом,
В серебряном мареве мерно качаясь...
И белая рыба плывёт под веслом,
Любить разучившись
и выжить отчаясь.

Изысканность строки Натальи Кожевниковой согласуется с глубоким смыслом стихотворений, трогающих душу. Смысл этот – всеобъемлющая любовь неравнодушного человека к своему родному уголку, к великой истории России, к людям близким и далёким, к избранному мужчине, ставшему судьбой. И вот как получается у поэтессы: живёт-поживает на белом свете женщина, крутится, как белка в колесе, спешит по многим своим делам, как домовитая ласточка, но вдруг случайно падает на неё тень огня, вмиг пробуждая то, что спало до времени, – генную память многих поколений. И уж тогда – и коня на скаку, и в горящую избу безоглядно, – предостеречь, защитить, спасти от надвигающейся беды – высокое предназначение лирической героини – русской женщины, матери, всегда возвращающейся под сень родного крова. Такова она:

Я миру покорна, мне Женщина – имя.
Мне долго идти, но дорога к родному,
Средь смуты и лжи,
среди морозного дыма –
По зыбкому снегу к желанному дому!

Хочется отметить петербургский цикл стихотворений Натальи Кожевниковой. От него не веет холодным дыханием севера, скорее наоборот – автор согревает теплом поэтического дара две родные души, оказавшиеся волею судьбы на чужбине, и на сердце сразу становится тепло и хорошо:

Я сюда возвращаюсь опять и опять,
Он не ждёт и не помнит меня,
этого город.
Две родные души на перроне обнять
И слезинку смахнуть
незаметно за ворот.

Стихотворения в книге подобраны замечательно – с большим авторским вкусом, они будто дополняют друг друга, плавно перетекая со страницы на страницу, оставляя чувство лёгкой грусти о прошлом, которое, впрочем, освещено надеждой на лучшее будущее. И пусть «Россия – это зима», по словам поэтессы, но пока есть любовь, а в крови – горячая память предков, никакая житейская стужа не страшна. Только чаще бы падала на нас волшебная тень огня памяти:

Закрыт наш дом в деревне навсегда.
Зима его бессонно сторожит.
Здесь тень живёт моя, и иногда
Ночует тень мужчины. И кружит
По комнате, и кашляет, и спит,
Водой умывается речной.
И тень огня за дверкою печной
Всё вырваться на волю норовит.

Виталий МОЛЧАНОВ

Наталья КОЖЕВНИКОВА

Главный редактор журнала «Гостиный Дворъ». Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических книг. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Москва», газете «День литературы», альманахе «День поэзии XXI век» (Москва) и других изданиях. Лауреат премии журнала «Москва», Всероссийских литературных премий «Капитанская дочка», «Соколики русской земли», им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, губернаторской премии «Оренбургская лира», региональной литературной премии им. П.И. Рычкова.

Плывёт Пегас над Домом у поэтов

Стихи писать, когда кровавая,
Обожествлённая в примете,
Луна висит над переправой,
Последней, может быть, на свете.
И кто читать их будет вечером,
И, перепроверя каждое,
В блокнотике, дождём помеченном,
Запомята с горькой жаждою
Всё, что сегодня мне услышалось,
Столбцами слов ко тьме взыскующих...
А голуби гудят под крышею,
Примет не зная существующих.

Степь вокруг – как море в непогоду:
Ветра шум в ушах, волнение диких трав.
Жаждали акыны здесь свободу,
Брёл Чингис, смятение познав.

Где они, бродячие ватажки
Первых казаков? Метель и зной,
Вой волков вблизи улусов, бражки
Терпкий вкус, свист сабель за спиной?

И пока воинственные ханы
Уводили женщин их в полон,
Степь сама залечивала раны –
Поле битв среди ковыльных волн.

В Диком Поле ни следа от брани,
Ни могил –
одна лишь пыль Времени.
Некому платить сегодня дани
Или воевать имперский трон.

Я смотрю на грозные вспышки
На границах родины моей.
Кое-где ещё маячат вышки
Нехотя закрытых лагерей.

Боль тысячелетий словно мета
Ощутима с неба до низин.
И поёт протяжно с минарета
Недоступный глазу муэдзин...

Как сникала трава-мурава
Возле нашего счастья-ночлега,

Говорила: «Давай, муж, дрова,
Опасаясь я близкого снега».

Небывалые раньше ветра
Все следы наши сдули с терраски.
Кто же знал, что назавтра, с утра
Ждать придётся другой мне опаски?

А она пробиралась к крыльцу
В девяносто уступчивом первом,
И вела к роковому концу,
И хлестала наотмашь по нервам.

Продан дом наш с тобой за гроши,
На испуг взяты сосны на горке,
И роняют на землю иголки,
Трепеща на исходе души.

Вот и всё – улетают во мглу
И лицо твоё в траурной рамке,
И засохшие лилии в банке
На терраске с мольбертом в углу.

Не стеснясь, пирует ворьё,
Опуская страну к мезозою,
И Бессмертный подмётки сорвёт,
Грохоча по брусчатке кирзою.

Одиночество схватит в полон
И сожмёт свои адские клещи...
Я в сочельник увидела сон,
Говорят, что он может быть вещим:

Божья Мать опустила лицо
Над землёй и в молитве гласила:
«Свой Покров я продену в кольцо»,
Разверну – и накрою Россию...»

Петербург

Лёсе

Осенний ветер попал впросак
Среди прохожих и птичьих драк,
И пошевеливает легка
Кудряшкой у твоего виска.
Рисует, словно в забытом сне,
Тень Ангела на пустой стене,
Подвядший кадмий сырой травы
И возле ног – серебро Невы.
Её характер совсем не прот,

И бронзовый лев поджигает хвост,
Сквозняк сентябрьский и хмарь браня.
Темнеет быстро на склоне дня.
Не знаю, свидимся ли опять –
Река то в море плывёт, то вспять.
Валун у дома бросает в дрожь –
Вот-вот сорвётся с обрыва в дождь.
И лишь Атланты стоят во тьме,
Любовь и вечность держа в уме.

Первый снег

Говорят, в Петербурге
не выпросишь снега.
Так и есть. Но пришло Рождество.
Ну а с ним

Первый снег, как любовь:
он нагрел с разбега,
И обнял, как пришедший домой
пилигрим.

Город кружевом белым везде оторочен,
Словно царский кокошник
надел на сверкающий лоб.

Первый снег абсолютно невинен и точен,
Он ложится, где Бог повелел. Вот сугроб
Потеплел, у снежинок весёлые лица.
Улыбнись же и ты наконец, дорогой!

Первый снег, как мальчишка,
плетёт небылицы
И хрустит озорным леденцом под ногой.
Скоро выгонят, знаю, его в пустоту,
А пока он летит, ни на что не похожий.
И спешит вслед за ним

неприметный прохожий,
Признающий сегодня его правоту.

Воскресенье в Оренбурге

От Северной Пальмиры с небом ругным
отличен разноцветным солнцем утром,
где львы на каменных ступенях,
забытые, по очереди спят;
а ночью сходят вниз воды напиться
к реке, наказанной царицей,
где ивы замерли стыдливо,
подолы опустив свои до пят;
с ухмылкой Пугачёв таит дубину

и Азии показывает спину
чугунный Лётчик, сам ещё не зная,
что рядом подрастёт летун другой,
невиданной космической закваски,
и смотрит на прохожих без опаски
олень сарматский с мордой золотой;
в кофейнях мало мест, ты растворился,
как в чашке, раздвоился, расстроился
воскресным утром в солнце разноцветном,
в фонтанных брызгах, в аромате роз.
Плывёт Пегас над Домом у поэтов,
Пойди, поймай, сегодня нет запретов
на слог любовный, мотыльки созвучий,
и что ни скажешь, будет не всерьёз.

Лишь лёгкая лодка на вольной воде,
Да солнце и небо, да радостный случай –
Два дня и две ночи в счастливом стыде
Пред миром,
где правит татарник колючий,
Где зыбкою строчкой колеблется дым
Над мазанкой сирой...
Я помню, как милость –

Нечаянно чайка крылом молодым
Коснулась воды и, упав, разломилась
На тысячи звуков и брызг над водой.
И тут же, стремительно, в сини небесной
Возник перехватчик – и мёртвой звездой
Зловещие знаки расставил над бездной...
Качни мою лодку, степная река,
Я вижу и так, сквозь закрытые веки,
Как с гулом и треском проходят века,
Монахи, поэты, бойцы, дровосеки –
Меж жизнью и смертью, любовью и злом,
В серебряном мареве мерно качаясь...
И белая рыба плывёт под веслом,
Любить разучившись и выжить отчаясь.